

Теперь стало хорошим и даже спасительным тоном посещать и разглядывать русские православные храмы, поддерживать идею их восстановления. Почувствовали мы и тишайшую красоту иконы, и только слово молитвы православной остается в стороне от нашего торопливого внимания.

А меня вот интересует именно текст молитв. Грандиозное когда-то духовное шествие русского православия чуть было уж совсем не сошло под землю, как некогда Китеж-град. Позволю себе напомнить одну лишь цитату из сочинений известного русского философа Н. А. Бердяева: «После падения Византийской империи (15 век), второго Рима, самого большого в мире православного царства, в русском народе пробудилось сознание, что русское московское царство остается единственным царством в мире и что русский народ единственный носитель православной веры. Инок (Елизаровского монастыря) Филофей писал царю Ивану III: «Блюди же, внешне, благочестивый царь, что все христианские царства сошлись в твое единое, что два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не быть, твое христианское царство уже иным не достанется». Вот на таком уровне, от инок до царя, на несколько столетий вперед, вплоть до девятнадцатого века ответственность за слово и дело Христа занимала сердце каждого русского человека, определяла стиль его жизни.

Но мы этого ничего не помним и не знаем. Едва ли вздрогнет сердце, например, нашего земляка-уральца, если он увидит в Свято-Троицкой церкви Челябинска, как оживает фреска с ликом Андрея Первозванного. Он не помнит, он не знает, что на него смотрит человек, который видел самого Христа, был его учеником, выяснял прямо из первоисточника, каким быть новому человеку Земли. Не помнит, что именно этот Андрей Первозванный, апостол, и положил название «Славному Андреевскому стягу» — символу Русского государства, как его понимали все окружающие народы от Турции, Англии и до Китая.

Однако уже и мы, не помнящие доли своей в тех давних временах, забегая сегодня во храм, бойкие и здоровенькие, вертим головой туда и сюда, но вдрызг и до нас доходит смысл слов, которые с духовным усилием посылает далеко в дорогу священник: «... аще молимся о ненавидящих и любящих нас...» О! — удивляемся мы, — о ненавидящих нас надо молиться! Интересная точка зрения!

«... об отошедших отцах и братиц наших...»

Да-да, надо помолиться об отцах и братиц, где-то их могилы, забытые и незабвенные.

«... об избавлении плененных молимся, — низко кланяются до земли старенькие женщины. Это ведь о плененных в Афганистане и Чечне молятся — горько догадываемся мы и тут же подкладываем свое сердце к народной молитве.

«Аще молимся о в море плавающих, о в немощи лежащих...»

Боже мой, действительно, как много на земле страждущих и рискующих жизнью ради нас! Вот он уже и начался подъем духа.

Я беру в руки молитвослов и начинаю изучать его, как незнакомый учебник родной когда-то речи.

Это книга каноническая. Ею пользовались, как законом, и сто лет назад, и двести, и триста, и в XV веке тоже. Этими молитвами строили свою душу не на один день, а для вечной жизни наши деды и прадеды. Они ради нас боялись отступить от канона, боялись оставить дом без молитвы. Неслучайно представители мировых религий философы зовут фундаменталистами. Да, отцы церкви и по сей день боятся отступить от канона, видимо, думают: «Не дай Бог, я отступлю от канона. Он до меня тысячу лет охранял жизнь. Я отступлю, из-за меня жизнь рухнет. Нет уж, лучше я исполню молитву отцов наших, чтобы сохранить хотя бы фундамент жизни». Благодаря канону молитва сохранила аромат вечности. Я эгоистически открываю страницу, где канон Ангелу-хранителю. О себе беспокоюсь. Ведь и мама говорила, что у каждого человека есть свой Ангел-хранитель. Допустим все-таки, что он есть. О чем же беседовали с ним мои предки?

«Свете светлый, светло просвети душу мою, наставник мой и хранитель, от Бога данный мне Ангеле!» — течет в сердце тайная струя ласкового слова Истины. О, если б с этими словами поднимали

Римма ДЫШАЛЕНКОВА

«АЩЕ МОЛИМСЯ?..»

мы глаза на своих близких и любимых. Свете светлый — это к сыну, наставник мой и хранитель, от Бога данный мне Ангеле — это к мужу, или отцу, брату... Кстати, в прошлом была такая шутка: считать ли святотатством, если муж сказал жене: «Ангел мой, вы дура!»

«Преданный мне на соблюдение души и телу моему грешному от святого крещения. Я же своею ленностью и своим злым обычаем прогневаю твою пречистую светлость и отгоняю тебя от себя всеми стыдными делами, лжами, клеветами, завистью, осуждением, непокорством, братоненавидением и злопомнением: сребролюбием, прелюбодением, яростью, скупостью, обидением без стытости и опивством, многословием, гордым обычаем и блудным возбуждением... О, злое мое произволение, его же и скоты бессловесные не творят! Да как возьмешь ты смотреть на меня, или приступить ко мне, будто бы ко псу смердящему! Какими глазами, Ангел Христов, воззришь на меня, оплетенного злом во гнусных делах. Да как же я возмогу отпущения просить горьким и злым и лукавым деянием моим? В них же впадаю во все дни и ночи всяк час! Но молюся к тебе припадая: Хранитель мой светлый, умилосердись на меня грешного и недостойного раба твоего. Будь мне помощник и заступник на злого моего супротивника (Соблазнителя), Святыми твоими молитвами царствия Божия причастника из меня сотвори...»

Страстный и горький монолог человека к своему Ангелу-хранителю. Оторопь берет от его исповедальной честности и обнаженности. Оторопь берет и от того, что и себя узнаешь во всем этом «объявлении и опивстве и блудном возбуждении». Значит, человек о себе все знает, и всегда знал, и каялся так страшно, но покаянием этим подвигал себя к мере и умеренности.

Если каждый день, утром или на сон грядущий, так себя обличать, произнося эту молитву, то наверное поубавится в душе злых и лукавых помыслов. А если их убавится, то ведь сразу прибавится и душевного здоровья, и телесной чистоты. И задумается человек, как ему быть причастным к светлому человечеству. А ведь оно есть, это светлое человечество.

Из памяти не уходят предсмертные слова моего приемного отца: «Разве я так собирался жизнь-то прожить?» А как? Крестьянин и рабочий, он промолчал об этом, но ответ можно поискать в родных молитвах, которые он знал с детства и юности до тех пор, пока ему прикладом не втолковали, что молитвы произносить нельзя, потому что нет больше ни Бога, ни Ангела-хранителя. Отцу втолковали, а вот бабушке-врачевательнице Клавдии Егоровне — нет! Подарила она мне через мою маму в Сатке старинную книгу «Страсти Господни». На форзаце книги ее, не приученной к письму рукой, написано: «Память от Клавдии Вогулкиной-Олодниковой. Друг по жизненному тяжкому пути. Муж тоже взят в 1937 г. и не вернулся. Мир вам и вечная память, муч. Христовы. Пострадали за веру, умерли в тюрьме ее Николай, а мой Алексей. Помолитесь». Последнее слово, видимо, к тем, кто получил книгу на память, значит, ко мне...

«Николай-чудотворец, ты — со-

страдаешь благолюбивый, ты — избавитель теплейший, ты — предстатель истинно верных и просящих твоего заступления, святейший отче, ангелов согражданин, преподобных и пророков равностоятелю. Николае, моли Христа Бога спастися душам нашим, спасай к тебе притекающих от лютых бед и смерти горькия...»

Иммануил Кант, выдающийся немецкий философ 18-го века, поражаюсь двум явлениям, открывающимся взору внимательного человека: строинному порядку, царящему в Космосе, и нравственному своду, царящему в душе человека. Какие силы способствовали установлению миропорядка в Космосе, мы точно не знаем. А вот созданный нравственный храм в душе человека не миновал воздействия Космоса, но свидетельствует и о мощном усилии самого человека. Надо считать духовным подвигом момент нащупывания вслепую знаков нравственного миростроительства, утверждения таких опорных святынь, как Отец, Сын, Дева-Мать, и как догадался человек соединить их с высшими силами миропорядка в Космосе, и от этого труда засветился светлым духом радости. Святым Духом причастности к сохранению этого порядка в виде доктрины вечной жизни. И наши русские молитвы несут в себе многовековой опыт участия в светлом строительстве дома, мира и жизни.

«Создания рук твоих, мы просим тебя, нашего создателя, помилуй нас по великой милости твоей. Пока мир стоит, не наводи на нас напасти и искушения, не предай нас в руки иноплемеников. Да не прозовется город твой городом плена, да не назовется стадо твое пришельцами в земли не своей, да не скажут о нас народы: «Где есть Бог их?» Не насылай на нас скорби и глады, напрасных смертей, огня, наводнения. Не опечаль, а возвещи нас, ибо не терпит естество наше гнева Твоего, как трава сухая огня...» Почти тысяча лет этой молитве, ее наштал Господу митрополит Иларион во святом городе Кивее, и до сих пор хранит она нравственный свод, кроткие чанья и характер русского человека.

Очень любимы и почитаемы были молитвы к Богородице, Матери Бога нашего Иисуса Христа. В молитвослове есть несколько канонов к Богородице. Акафист, то есть воспевание Богородицы, радованье ей, Канон Одигитрии и Канон Богородице. Эти каноны — золото сокровище русской духовной поэзии. Давным-давно в каждом доме висел тихий-тишайший золотой портрет женщины с младенцем на руках. Ему молились отцы Отечества нашего, матери, девушки и отроки, ему молились врачи перед тем, как спастись от страдания человека, полководцы и воины, ученые и поэты, я уж не говорю о царях и священниках. Ведь Богородица считалась (и считается) покровительницей Русского православного государства. Особенно близко коснулся этот чудотворный образ души русского человека во времена Сергия Радонежского. Монахи, его сподвижники, свидетельствуют, что Богородица являлась Преподобному Сергию и ему дано было трижды спасти Россию от погребения.

«Богородица-дева, радуйся. Благодатная Мария, Господь с то-

бою. Благословенна ты в женах, благословен плод чрева твоего, яко Спаса родила еси душ наших».

Это-то молитву знала вся Россия, теперь забыла. А я все думаю: «Благословенна ты в женах, — это ведь жены русские должны быть, как Богородица, а благословен плод чрева твоего? — это ведь и мужской поклон вечной тайне — беременности женской. Какая высокая этика в маленькой молитве. Космос Божественный сопрягается через образ Богородицы человеком-земным: «Зачавшая неопально огонь Божественный и родившая бессеменно источник жизни — Господа, благодатная Богородица, спасай тебя величающих».

«Всяк земнородный да възыгрется Духом просвещаем, да торжествует же бесплотных умов естество, почитающее священное торжество Богоматери».

«Врача всех человеков родившая, радуйся, Богоневесто, жезл тайный, цвет неувядаемый, радуйся, владычица, твоею же радостью наполняемся и жизнь наследуем».

Ко всеобщей, вселенской радости призывает молитва Богородице, врача всех человеков родившей. Высветляется думой о Богоматери, наполняется радостью светлый человек через заботу о сохранении жизни и не только для одного себя.

«Всех скорбящих радости, и обидимых заступнице, алчущих питательнице, странствующих утешение, обуреваемых пристанище, больных посещение, немощных покров и заступнице, жезл старости, мати Бога вышнего, ты еси пречистая, помоги спастися рабам твоим...»

Разве есть какая-нибудь неправда в этом тексте? Даже обычная мать человеческая является всех скорбящих радостью, а что же говорить о высшей силе жизни, которая разрешила быть на земле такому спасительному чуду, как женщина-мать!

За этими стройными вдохновенными текстами встают безымянные авторы, душа которых милосердна и высока, как православный храм, которому они служили. Служили, чтобы передать нам незамутненной Истину и об озлоблении человека и о возможности его исцеления через духовное родство с образом Богоматери: «Прибежище сушим в лютых, пречистая Богородице, спаси нас от всякого обстояния и озлобления человеческого. И страшного мучения и страстей бесчестия, действительным врачеванием исцели!».

По условию расширения сознания, а также по уважительной иерархии, которая правит восходящими кругами духовного мира, обращается с молитвой к самому Господу можно было только после того, как ты поманешь добрым словом своих родителей, живых или усопших. Помолитесь святым покровителям родной земли, например, Симеону Верхотурскому, Сергию Радонежскому, Николаю-угоднику, Иоанну Предтече, Богородице. Приобщившись памятью к их светлой деятельности, с их помощью уже можно обращаться к Христу Спасителю. Например, в каноне Иоанну Предтече хорошо видны эти ступени: «Исцели струящая души моей, ум мой, омраченный небрежением, озари божественным твоим ходатайством... Богоматери Христа Бога поклонися, Пророче, с

нею же моли смиренной Господа Иисуса Христа спастися душам нашим».

Степень напряжения беседы с Господом ярко выражена в следующем тексте: «Господь грядет. И кто стерпит страх его? Кто явится лицу его? Но готова буди, душа моя, к сретению».

Длительной духовной работой готовится человек к высокой беседе с Богом. «И даже не на много удаляясь общения Твоего, от мысленного волка зверуловлен буду», — предупреждает Иоанн Златоуст из 4-го века об опасности бытия без молитвы.

«Господь грядет...» — душа человека востепляется, лик светлеет, внутренний взор видит перед собою мистическое тело Христа, которое мы угадываем всюду, и в особенности в алтаре храма. Возрастание ответственности человека перед Богом за себя, свою совесть, за жизнь на земле ярко прочитывается в каноне святого Причащения. Причащаюсь — значит пробуя быть, как Христос. Задача почти непосильная. Канон большой, приведу примеры постепенного духовного сближения с Христом. «Слезные мне подай капли, Христе, скверну сердца моего очищающие: да буду благою совестью очищен. С верою прихожу и страхом ко причащению божественных даров твоих. Во оставление моих прегрешений да будут мне пречистое тело твое и божественная кровь и Духа Святого общение». «Пришел от Девы не ходатай, не Ангел, но сам Господь воплотившийся и спас всего меня Человека, потому и зову тебя: слава силе твоей, Господи».

От чего спас всего меня Человека? От многого, что делает человека «псом смердящим». От ярости, скупости, лжи и клевет, от прелюбодения, обидения без стытости и опивства, от братоненавидения, злословия, гордого обычая и блудного возбуждения...

Человек, беседующий с Богом, проникается полностью пониманием жертвы Христовой. Он и себя понимает не зверем, но Сыном Бога — Богочеловеком. Тут важно не перепутать понятия Богочеловек и Человекобог. Это не одно и то же. Богочеловек не одинокий, им руководит Бог, а Человекобог достигает ощущения себя единым Богом и повисает в бездне одиночества и гордыни, то же, что и Антихрист.

Божественные дары Христа — это не алмазы и сапфиры, но мысли, думы о жизни его и распятии, жертве его для нас, несмысленнейшей. Память о жертве своей Христос сам провел через образ хлеба и вина. На тайной вечери прощения с учениками перед распятием он одаривает их хлебом и вином, говоря примерно следующее: «Скоро тело мое растерзают по звериному обычаю и прольют мою кровь. Меня с вами не будет. Но каждый раз, когда вы будете есть хлеб и пить вино, вы вспомните меня и мое распятие...» Слово и дело Христа охватили души многих людей и многие страны и стало быть, по Канту, совпало с миропорядком в Космосе, то есть воссоединилось с высшими силами жизни, то есть с Богом-отцом. Тогда понятен и следующий трепетный этап сближения с Христом в молитве: «Под твое прибегаю благоутробие, Блаже. Со страхом зову к тебе: во мне пребуди, Спасе, и я — в тебе. Ибо держа на милость твою, ем тело твое и пью кровь твою...»

От такого таинства у молящегося возникает чувство прикосновения к огню: «Трепещу, приемля огонь, да не опалюсь, яко воск и яко трава. Оле страшного таинства! Оле благоутробия Божия! Как же я Божественного тела и Крови брения причащаюсь и нетлене сотворюся?»

«Боготворящую кровь увидевши, человек, ужаснися. Огонь она есть, недостойных опалает».

«Божественное тело и обожает меня и питает. Обожает дух мой, ум же питает странно...»

Обожает меня тело Христово, это значит, делает и меня божественным. Таким образом в течение молитв дома ли, в храме ли, человек так же поднимается от маленького эгоистического «я» до слияния с Христом, с огненным таинством Космоса, ощущает себя Сыном Земли, ответственным за жизнь на Земле. Сегодня, когда вокруг так много духовных учеников и последователей индуизма, буддизма, кришнаитов, тибетских тантриков, мне хотелось напомнить, что православные молитвы ничуть не беднее сокровенных таинств и молитв других народов и религий, да и не моложе их, а через Византию, Иерусалим, Рим прямо наследуют жреческий опыт и Древнего Египта. Я думаю, незачем от этого культурного слоя открещиваться.